

*Сергей Золотарев*

ПОХОДНЫЕ МАРШИ ПРЕДАТЕЛЕЙ

1

Мы прятали женщин своих на себе,  
да так, что при обысках их не могли обнаружить.  
Мы проносили женщин своих в желудках  
(путь к сердцу мужчины?).  
А если контейнер оказывался негерметичным —  
курьер умирал от любви.

2

По десять лет мы плавали на судах,  
которые делали шпроты.  
Полный цикл переработки.  
Мы ели фотографии своих женщин.  
Пережевывая тщательно, доводя  
челюсти до оргазма.

3

А если случалось увидеть женщину,  
приходилось лезвием делать надрез,  
ибо веки мужские срослись  
там, где взгляды подолгу не возвращались.

Кто-то рвал их крышкой от шпрот,  
и тогда до ближайшего порта  
мог смотреть на летучих рыб.

4

Когда пронзает желание,  
мы просим капитана укрыть нас лучами звезд,  
как еловыми ветками, засыпать криветками  
и вывезти в трюме горящих глаз.

В порту эпидемия.  
Но мы готовы ползать на брюхе в криветочной слизи,  
скрипя песком любви на зубах,  
лишь бы испытывать физическую близость  
в телах морских черепах.

5

Было — снятый для отпевания  
магазин на диване.

Было — плавленые сырки,  
т.е. пелядь со дна реки.

Римские термы,  
полные грифельной спермы.

Пепел взгляда  
владельца мучного склада.

Было — город, разрушенный до основания.  
дожди в целлофане.

Луч, болтающийся по городу в курточке из болоньи.  
И живот ее теплый, как остывающий гиперболоид.

## ОХОТА

Приду с охоты. Мною убиенных  
глазами ощипаю глухарей.  
Дробинки слез из глаз твоих летели  
к ним сорок зим и все-таки попали.  
Но знай — не я ответственен за падаль  
деревьев и за чуткое старенье  
затравленного зеркала в прихожей.

Предположу, что есть в моей природе  
свет — ложный след хазарских псевдоподий  
Рождественской звезды. И он ведет  
прочь от пещеры, а точнее, уводит  
прочь от пещеры — хищника, и этим  
все сказано.

Я наливаюсь беспокойным светом,  
когда молчу. Я становлюсь плодом  
светящимся — отравленным на этом  
и зреющим на том.

И кто-то мной плюется через трубку  
от спинки у кровати, без труда  
сбивая финикийскую голубку.

Он попадает.

Уголками рта

без заед

улыбается для слова

прощального — и все-таки молчит.

Я — говорит — поэт. И уголками  
коробится. Ты смотришь на него  
и окаешь зелеными глазами.

И снова вспоминаешь Рождество  
и пастухов и думаешь — для слова  
еще не время. Потому — молчишь,

как Кибальчиш, и сетку птицелова  
распутываешь пальцами на идиш.

А я перед тобою как Распутин,  
стою — ужасный, черный, терпеливый,  
молчащий на десятке языков.

Я жду гостей. Всего лишь жду гостей.  
Но и теперь не соберу костей,  
как требуется в той головоломке,  
чтоб приравнять субботу к воскресенью.  
Мне надо знать, что в этой перепелке  
жила душа. Обгладывая кости,  
испытывать иные угрызенья.

Так человек устроен: лопушок  
любимых глаз — он знает — послюнявив,  
приклеит Богородица на ранку.  
За грязный рот, за рваные ботинки,  
его простят и, выпоров, отмоют.  
И он стоит весь в сперме и в слезах.

И ты меня прощаешь за неверье,  
поскольку это — продолжение рода.  
И скромное татарское надгробье  
всего лишь груз, прижавший дыроколом  
листочки, дабы склеились они.